

ПАРАДИГМА «ВОСТОК – ЗАПАД» В МИРЕ ПУШКИНА

Г.У.Соронкулов, кандидат педагогических наук

Академик М.П.Алексеев был убежден в том, что для полного представления масштабов всеобъемлющего феномена Пушкина, следует соотнести этот феномен не только с различными, но и с разновременными явлениями мировой культуры¹.

Разновременными – значит не лишь хронологически одновременными Пушкину и предшествовавшими ему, но и с более поздними. Ведь значительность эстетического явления характеризуется и его долгожительством – долгодействием в новых исторических и культурных контекстах. В этом смысле Пушкин как художественный феномен, по Л.А.Шейману, оставался не метафорически, а фактически, объективно, современником на всем протяжении и девятнадцатого, и двадцатого веков².

Широко известный афоризм Редьярда Киплинга «*Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись...*» хотя и возник в 1889 г., т.е. через полстолетия после гибели Пушкина, может выступать как своего рода «фондовый» текст к пушкинскому лейтмотиву «Восток – Запад», в частности, и потому, что вобрал в себя и выразил в чеканной, лапидарной формуле те тенденции, которые развивались в западноевропейской культуре в творчестве корифеев романтизма, создававших свои вершинные произведения син-

хронно или почти синхронно с великим русским поэтом.

Как же Пушкин осмысливал и переживал эту проблему?

Многие материалы свидетельствуют, прежде всего, о том, что тогда, когда в его произведениях речь шла о народах и их культурах, понятия «Восток» («восточный») и «Азия» («азиатский») часто тоже представали у Пушкина как парные – и контрастные – к понятиям «Запад» («западный») и «Европа» («европейский»).

Пушкин, размышляя о культурах в их наиболее крупномасштабных измерениях, воспринимал Восток как особый мир, существенно иной, чем мир Запада. Для него это были два самоценных целостных единства. Две глобальные цивилизации, во многом резко отличающиеся друг от друга.

Поэт вникал в своеобразность облика каждого народа, привлекавшего его внимание. Вплоть до тонкостей самоназваний близкородственных этносов, как то имело место, когда он писал о казахах и кыргызах. Но отдельные народы, при всех их различиях, нередко выступали у него как представители именно особого мира, каким был в его восприятии Восток. Говоря языком современной нам культурологии, то были представители «некоего цельно-единого культурно-исторического, религиозно-

нравственного и психоментального комплекса»³.

Так, характеризуя поэтический стиль, на который он ориентировался, когда создавал поэму «Бахчисарайский фонтан», Пушкин называет не конкретную национальную художественную традицию, а обобщенное культурно-эстетическое явление – «восточный слог»: «Слог *восточный* был для меня образцом <...>». Обращаясь к Фазиль-хану, он говорит не о персидской поэзии, а, опять-таки, о восточной традиции: «Цветы фантазии *восточной* Рассыпь на северных снегах». В грузинской песне его привлекают также веяния восточной поэзии: «...в ней есть какая-то *восточная* бессмыслица, имеющая свое поэтическое достоинство». Бытовые реалии Турции и некоторые особенности национальной психологии турок изображаются как репрезентативные вообще для восточного мира в целом: «Нововведения, затеваемые султаном, не проникли еще в Арзрум. Войско носит еще свой живописный, *восточный* наряд»; «...они <турки> с жадностью, общею всему Востоку, слушали его <Кирджали> чудные рассказы».

Принципиальное своеобразие восточного мира Пушкин порою подчеркивал резким, почти вызывающим, противопоставлением миру западному, европейскому. В пылу полемики поэт готов был видеть между ними чуть ли не такую же «дьявольскую разницу», какую усматривал между традиционным романом и романом в стихах.

Таков и контекст приведенного выше пушкинского упоминания о «слоге восточном». Поэт возражает здесь на критическое замечание Д.В. (или В.Л.?) Давыдова о парадоксальных, гиперболических и как будто противоречащих друг другу, строках «Бахчисарайского фонтана», живописующих взоры красавицы-грузинки Заремы:

*Твои пленительные очи
Яснее дня, чернее ночи...*

Аргументация Пушкина: «Я бы с ним <с Давыдовым> согласился, если б дело шло не о *востоке*. Слог *восточный* был для меня образцом, сколько возможно нам, благоразумным, холодным *европейцам*...». А в стихотворении «Стамбул гяуры нынче славят...» Запад и Восток вообще решительно разведены поэтом и словно бы непримиримо противостоят друг другу: «Стамбул отрекся от пророка, В нем правду древнего *Востока* Лукавый *Запад* омрачил».

Конечно, в обоих случаях перед нами – намеренное заострение. В первом случае оно вызвано обстоятельствами спора – экспансивной защитой своей поэтической находки и своей, новообретенной, эстетической позиции. Во втором случае – тем, что обвинения по адресу Стамбула, поддавшегося западным соблазнам, исходят якобы из уст вымышленного турецкого поэта, сурового ревнителя старины, янычара Амина-Оглу.

Но факт восприятия Пушкиным оппозиции «Восток–Запад» как, во многих своих проявлениях, исторически сложившейся мировой культурно-цивилизационной анти-

тезы вряд ли кем-либо может быть подвергнут сомнению.

Однако, раскрывая «культурную самооценку каждой из двух зон человеческой цивилизации»⁴, Пушкин в своих творческих поисках нащупывал и прокладывал пути, заметно отличающиеся от тех, какими двигались в поэтическом освоении «восточно-западной» проблематики корифеи современной ему и позднейшей западно-европейской культуры.

Восток для Пушкина «непосредственно-контактная встреча, лицом к лицу, с особым миром, ставящим человека Европы, его страну, его культуру – и лично его, Александра Пушкина – перед важнейшими, первоосновными <...> жизненными выборами. Перед вопросами, от решения которых зависит само существование личности и всего, что ей дорого»⁵.

Авторская позиция Пушкина здесь, как и в других сферах его поэтического мира, уникальна. Он ставит читателя перед тайнами и загадками, противоречиями и вопросами, которые открывает ему действительность в проблематике встречи Запада с Востоком. Но сам он, за редкими исключениями, не дает готового ответа на эти вопросы. Он ищет ответа и вовлекает читателя в этот трудный поиск.

Присмотримся к движению поисковой художественной мысли Пушкина в русле самого общего и болезненного вопроса «восточно-западной» темы.

Л.А.Шейман отмечает, что едва ли не самый обширный аб-

зац первой главы «Путешествия в Арзрум», занимающий почти целую страницу, содержит перечень тех сторон быта и образа жизни «черкесов» (т.е., в пушкинскую эпоху, народов Северного Кавказа), которые сохранили наследие бесчеловечных нравов и обычаев средневековья.

Однако уже в самом начале Пушкин отмечает основную причину ненависти «немирных» кавказских горцев к пришельцам, явившимся к ним с огнем и мечом: «Черкесы нас ненавидят. Мы вытеснили их из привольных пастбищ, аулы их разорены, целые племена уничтожены. Они час от часу далее углубляются в горы и оттуда направляют свои набеги». А завершается этот абзац раздумьями о тех средствах, «более нравственных, более сообразных с просвещением нашего века», которые побудили бы местных жителей «с нами *сблизиться*».

Начало и конец пушкинского абзаца не просто смягчают картину тех черт «черкесского» образа жизни, которые вызывают неприятие у автора путевых записок. Они хорошо объясняют предельный накал сложившегося противостояния и дают возможность читателю выслушать и другую сторону участников незатухающего конфликта. А кроме того – подводят читателя к поиску, совместно с размышляющим путешественником, некоторых перспектив выхода из создавшейся драматической ситуации.

В абзаце, о котором мы ведем речь, концентрированно воплоще-

на характернейшая особенность авторской позиции, определяющей своеобразие художественной интерпретации Пушкиным темы Востока, обычно развиваемой им в русле проблематики встречи Востока с Западом. Особенность эту Л.А.Шейман назвал перспективно ориентированным нравственно-эстетическим плюрализмом. Подобный плюрализм (от лат. pluralis – множественный) предполагает художественное представление разных, часто противоположных точек зрения, разных оценок, разных образных призм при изображении одного и того же явления или ряда сходных явлений. Но, обязательно, такое их представление, которое приоткрывает и перспективу движения поисковой авторской «чувствуемой мысли».

В анализируемом абзаце Пушкин ни в коей мере не настаивает на единственной истинности своих вариантов решения исключительно сложной проблемы. Он оговаривает предположительность своих соображений: «*Должно надеяться...*», «*...может благоприятствовать...*». Предлагаемые русским поэтом пути не отменяют и другие. Но то, к чему склоняется в большей мере автор, все-таки занимает в его тексте, так называемую, «сильную позицию». В данном случае – в конце абзаца.

Пушкинский символ, как отмечает Шейман, не останавливается на синтезе. Он хранит память о разных смыслах, их оттенках и приращениях, которые рождались и взаимодействовали друг с дру-

гом как в процессе движения сюжета «Путешествия...», так и в пространстве «большого» поэтического пушкинского контекста.

Множественность точек зрения на один предмет в пушкинской поэтической картине мира, ее «полифоничность», вовлекают читателя в интеллектуально-эмоциональное сотворчество. Она открывает ему неведомые ранее глубины в явлениях и процессах реальной действительности. В наиболее сложных случаях она подводит к проблемам, не предоставляющим очевидных возможностей для однозначных решений, по крайней мере, в обозримый исторический период. Но все-таки, в то же время, она побуждает к продолжению поиска. Отсюда – и множественность концептуальных толкований вершинных пушкинских шедевров. Причем каждая из наиболее серьезно обоснованных концепций может представляться достаточно убедительной⁶.

Чрезвычайная сложность межэтнокультурных коллизий и тех условий, в которых складывался и развивался гений Пушкина, сказались на том, что некоторые из его интерпретаций этих коллизий испытали на себе воздействие факторов, обозначенных им в «Евгении Онегине» как «предрассудки вековые».

Однако, абсолютно преобладающей и в сфере, которая нас интересует, оказывалась та перспектива движения пушкинской художественной мысли, которая диктовалась его «лелеющей душу гуманностью»⁷.

«<...> Пушкин, – по Белинскому, – по самой натуре своей был существом любящим, симпатичным, готовым от полноты сердца протянуть руку каждому, кто казался ему «человеком»»⁸.

Принцип гуманности, на языке Пушкина – «правила человеко-

любия» («Капитанская дочка». Гл. IV. «Пугачевщина»), оказывался определяющим и в пушкинских поисках возможно более адекватной оценки военно-политических аспектов проблематики «Восток–Запад».

ПРИМЕЧАНИЯ (Endnotes)

1 Алексеев М.П. Пушкин: Сравнительно-исторические исследования. – Л.: Наука, 1984. С. 20.

2 Шейман Л.А., Соронкулов Г.У. Пушкин и его современники: Восток – Запад: Очерки / Под общ. ред. Л.А.Шеймана. – Б., 2000. С. 415.

3 Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. – Избранное. – М.: “Прогресс”, Культура, 1995. С. 3.

4 Ольденбург С.В. Статья без названия // Восток-Запад: Исследования. Переводы. Публикации. М.: Наука, 1982. С. 3.

5 Шейман Л.А., Соронкулов Г.У. Пушкин и его современники: Восток – Запад: Очерки / Под общ. ред. Л.А.Шеймана. – Б., 2000. С. 420–421.

6 Там же. С. 429–430.

7 Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – Т. 7. С. 339.

8 Там же. С. 579.

Сведения об авторе: Соронкулов Гульжигит Умарович, кандидат педагогических наук, ведущий научный сотрудник отдела кыргызской литературы Института языка и литературы им. Ч.Айтматова Национальной академии наук Кыргызской Республики, e-mail: soronkulov52@mail.ru.

Аннотация: В статье рассматривается проблема отношения А.С.Пушкина к двум глобальным цивилизациям – Востоку и Западу. Авторская позиция Пушкина здесь, как и в других сферах его поэтического мира, уникальна. Он ставит читателя перед тайнами и загадками, противоречиями и вопросами, которые открывает ему действительность в проблематике встреч двух глобальных цивилизаций. Но сам он, за редкими исключениями, не дает готового ответа на эти вопросы. Он ищет ответа и вовлекает читателя в этот трудный поиск.

Ключевые слова: Художественный феномен, глобальные цивилизации, культурно-цивилизационная антитеза, черкесы, плюрализм, принцип гуманности

Abstract: The article considers the problem of Alexander Pushkin's relationship with two global civilizations - East and West. Pushkin's author's position here, as in other areas of his poetic world, is unique. He puts the reader in front of secrets and riddles, contradictions and questions that reveal him the reality in the problems of meetings of the two global civilizations. But he, with rare exceptions, does not give a ready answer to these questions. He seeks an answer and involves the reader in this difficult search.

Keywords: Art phenomenon, global civilizations, cultural-civilizational antithesis, Circassians, pluralism, the principle of humanity